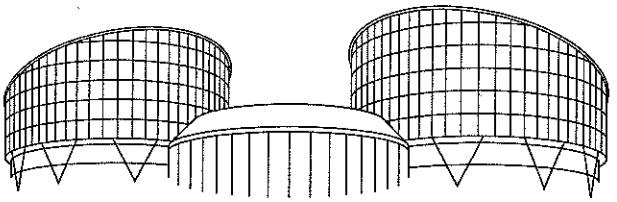

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ДАВИТИДЗЕ против РОССИИ»

(Жалоба № 8810/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

Вынесено 30 мая 2013 г.
Вступило в силу 7 октября 2013 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Давитидзе против России»
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:
Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель,*
Мирьяна Лазарова Трайковска,
Юлия Лаффранк,
Линос-Александр Сицильянос,
Эрик Мос,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи,*
а также Андрэ Вампаш, *заместитель Секретаря Секции,*
проведя 7 мая 2013 г. совещание по делу за закрытыми дверями,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой (№ 8810/05) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Грузии Давитидзе Левана Александровича (далее — «заявитель») 7 февраля 2005 г.

2. Интересы заявителя представлял А. Яблоков, адвокат, практикующий в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что к нему была применена чрезмерная сила при задержании, и что по данному факту не было проведено эффективного расследования; что после задержания и во время содержания его под стражей в следственном изоляторе в период проведения расследования по уголовному делу в отношении него, ему не была оказана необходимая медицинская помощь; и что по его делу не было проведено справедливого судебного разбирательства, *среди прочего*, по факту провокации со стороны сотрудников полиции. Заявитель сослался на статьи 3 и 6 Конвенции.

4. 25 ноября 2008 г. жалоба была коммуницирована Властям. Также Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (пункт 1 статьи 29). В тот же день Власти Грузии были уведомлены о том, что в соответствии с пунктом 1 статьи 36 они имеют право вступить в процесс, однако они решили не использовать это право.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1960 г. Представляется, что в настоящее время заявитель отбывает наказание в виде тюремного заключения в Ставропольском крае Российской Федерации.

A. «Проверочная закупка» наркотических средств и задержание заявителя 20 августа 2003 г.

1. Версия Властей

6. В неуказанный день при неуказанных обстоятельствах заявитель приобрел 13,4 г героина и пересыпал его в два пакета.

7. 20 августа 2003 г. в ОВД Обручевского района г. Москвы явился некто С. и дал письменные показания, согласно которым он встретился с Т., который сообщил ему о том, что лицо «грузинского происхождения» по имени Леван возрастом около 40 лет является поставщиком героина. С. выразил готовность оказать полиции содействие в сборе доказательств предполагаемой преступной деятельности Левана (см. также пункт 17 ниже).

8. В тот же день, сославшись на показания С., сотрудник полиции К. вынес постановление о проведении «проверочной закупки» наркотических средств:

> "... [С.] утверждал, что он познакомился с лицом грузинского происхождения; этот человек предложил ему героин по 600 рублей за грамм. Сегодня они должны встретиться, и этот человек передаст [С.] героин ... Постановление о проведении «закупки» наркотических средств выносится мною в целях документирования преступной деятельности неустановленного лица по имени «Леван» и его задержания *на месте преступления*».

Данное постановление содержит отметку о его утверждении и подпись начальника ОВД.

9. Как указано в протоколах полиции, С. был подвергнут личному досмотру в присутствии двух понятых. Досмотр показал, что он не имел при себе ни наркотических средств, ни других запрещенных предметов. Затем сотрудники полиции вручили С. 100 долларов США и 3 000 рублей. Перед этим банкноты были отксерокопированы; по данному факту был составлен протокол.

10. Заявитель был задержан после того, как он передал С. один из двух указанных пакетов героина (весом 6,9 г). Этот пакет был изъят в ОВД у С. Деньги (вышеупомянутые банкноты) и второй пакет (весом 6,5 г) были изъяты в ОВД у заявителя.

2. Версия заявителя

11. В июле и августе 2003 г. заявитель находился на амбулаторном лечении в психиатрической больнице с диагнозом «циклотимическое расстройство».

12. По утверждению заявителя, 20 августа 2003 г. ему позвонил Т., который попросил у него две таблетки успокоительного для лечения бессонницы. Друг заявителя отвез его к Т., где заявитель передал последнему таблетки. Чтобы рассчитаться за таблетки, Т. дал заявителю 100 долларов США и 3 000 рублей. Т. также познакомил его с С., который обратился за помощью в связи с наркозависимостью. Заявитель отказался принимать в этом участие и порекомендовал ему пройти стационарное лечение в специализированной больнице. Заявитель вышел из дома Т. и вскоре был остановлен двумя людьми, которые представились сотрудниками полиции. По просьбе сотрудников полиции заявитель предъявил паспорт. Сразу же после этого они попытались надеть на него наручники. При надевании наручников на одну руку заявитель не сопротивлялся, но когда сотрудник(-и) полиции скрутил(-и) другую его руку за спиной, он оказал сопротивление, которое заключалось в том, что он прижал руку к телу, и было естественной реакцией на боль, вызванную выкручиванием руки. Сразу после этого сотрудник(-и) полиции дважды применил(-и) к нему технику «удушения» и избили его. Один из полицейских несколько раз ударил его рукояткой/стволом пистолета. Заявитель получил сотрясение мозга, закрытый перелом челюсти и многочисленные ушибы.

13. Заявитель сообщил Суду, что его отвезли в отделение полиции, введя его через черный ход и никак не зафиксировав факт его поступления. Сотрудники полиции угрожали ему и били его руками и ногами.

14. По утверждению заявителя, он страдал от сильной боли и продолжал находиться под влиянием лекарства, принятого им в больнице еще до задержания. Сотрудники полиции настаивали, чтобы он признался в продаже наркотиков и «сдал» имевшиеся у него при себе наркотические средства. Сотрудники полиции сказали, что после этого они позволят ему получить медицинскую помощь и разрешат ему позвонить родным. По утверждению заявителя, у него не было при себе никаких наркотиков, поэтому он не мог выполнить приказ сотрудников полиции. Тем не менее, ему удалось поговорить по мобильному телефону с женой.

Б. Уголовное дело в отношении заявителя

15. Представляется, что 21 августа 2003 г. исполняющий обязанности начальника следственного отдела при ОВД Обручевского района А. допросила заявителя в присутствии адвоката То., который посоветовал ему согласиться с предъявленным ему обвинением. Заявитель дал признательные показания. Впоследствии протокол этого допроса был признан судом первой инстанции недействительным, поскольку заявитель не был должным образом проинформирован о том, что любые данные им признательные показания впоследствии могут быть использованы для признания его виновным.

16. Заявитель пояснил Суду, что он обращался к следователю с жалобой на применение силы при задержании. Ввиду имевшегося у него психического заболевания, для лечения которого он получал лекарства, стресса, испытанного им в результате задержания, и физических страданий от перелома челюсти он не настоял на том, чтобы его жалоба была письменно зафиксирована в протоколе. Представляется, что решением от 12 августа 2004 г. Московская коллегия адвокатов лишила То. звания адвоката. Коллегия адвокатов установила, что, будучи проинформированным заявителем о наличии у него психического расстройства и травмы челюсти, адвокат не потребовал провести судебную экспертизу, не заявил никаких ходатайств в суды и не подал никаких заявлений в соответствующие государственные органы.

17. Кроме того, 21 августа 2003 г. следователь Ф. из следственного отдела при ОВД Обручевского района допросил С., который дал следующие показания:

> «Некоторое время назад я встретился с Т. и узнал, что он употребляет наркотики. Он сообщил мне, что он приобретает их у Левана, который поставляет их в большом количестве и всегда имеет при себе наркотики ... На мою просьбу о встрече с Леваном Т. ответил отказом ... Ожидая повода для встречи с Леваном, я случайно встретился с Т. Это произошло в тот же день, 20 августа 2003 г., когда я пошел к Т. Он сказал мне, что Леван скоро приедет. Т. не сказал мне, что Леван принесет героин, но я догадался об этом ... Когда я снова попросил его познакомить меня с Леваном, Т. сказал мне, что Леван позвонит еще раз, и тогда мы с ним встретимся. Я не уточнил, почему хочу встретиться с Леваном ... Когда мы встретились (впервые), я отвел его в сторону и попросил его продать мне немного героина. Он согласился. Я дал ему 100 долларов и 3 000 рублей, а он дал мне черный пакет ...»

С. приложил собственноручно написанную записку, в которой говорилось, что Т. всего лишь сообщил ему о том, что у Левана можно купить наркотики, и что до этого Т. не приобретал у него наркотики.

18. В октябре 2003 г. С. умер.

19. Заявителю было предъявлено обвинение в незаконном приобретении, хранении и сбыте героина. В неуказанный день

заявитель отказался от своих предыдущих показаний, утверждая, что наркотики ему подбросили в ОВД. Он попросил провести очную ставку с понятыми, присутствовавшими при его личном досмотре 20 августа 2003 г.

20. Уголовное дело в отношении заявителя было назначено к рассмотрению в Гагаринском районном суде г. Москвы. В период с ноября 2003 г. по апрель 2004 г. был проведен ряд судебных заседаний.

21. Представляется, что в ноябре 2003 г. или примерно в это время для защиты интересов заявителя был назначен или нанят новый адвокат. В суде первой инстанции адвокат пожаловался на проблемы, связанные с применением чрезмерной силы в отношении заявителя при его задержании.

22. В ходе судебного разбирательства заявитель утверждал, что он согласился дать Т. две таблетки успокоительного. По утверждению заявителя, наркотики были подброшены ему в ОВД. Судья суда первой инстанции рассмотрел версию событий заявителя, заслушал ряд свидетелей в его пользу и отклонил доводы заявителя как необоснованные.

23. Суд заслушал Ма., который предположительно отвез заявителя на своем автомобиле к Т. Ма. подтвердил, что он видел, как к заявителю подошли два человека, и заявитель предъявил какие-то документы. Как только появился третий человек, они начали выкручивать заявителю руки и использовать «приемы борьбы». Испугавшись, Ма. не стал выходить из своего автомобиля.

24. Суд первой инстанции также заслушал Ко., которая утверждала, что она училась в одной школе с С., и что С. «познакомил» ее с наркотиками. В последний раз она видела его в 1996 г. По утверждению Ко., С. был осведомителем полиции. Суд первой инстанции отметил, что данные показания являются необоснованными, и что они основаны на домыслах. Суд пришел к выводу, что он не может ставить под сомнение добровольное решение С. об оказании содействия полиции в раскрытии преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков.

25. Судья суда первой инстанции признал большую часть вещественных и других доказательств, собранных в ходе проверочной закупки и впоследствии, допустимыми. Несмотря на возражения заявителя, судья признал допустимыми письменные показания С., полученные в ходе предварительного следствия. По просьбе заявителя суд заслушал эксперта-почерковеда, который показал, что у него имеются «серьезные сомнения» в том, что показания, данные 20 августа 2003 г., и письменные показания, данные впоследствии, были подписаны одним и тем же лицом.

26. Хотя в ходе судебного разбирательства не были предъявлены деньги и пакетик героина, в своей оценке судья исходил из соответствующего письменного протокола.

27. Суд заслушал Т., познакомившего С. с заявителем. Т. утверждал, что он знает заявителя четыре года, и что С. был в курсе того, что заявитель «вылечился» от наркозависимости. Т. ответил отказом на просьбы С. о встрече с заявителем из-за того, что Т. был должен заявителю 1 000 долларов США и не хотел с ним встречаться. После того, как С. предложил занять Т. сумму в размере до 300 долларов США, если он устроит встречу, Т. позвонил заявителю и попросил у него кое-какие лекарства, которые сам он купить не мог. После некоторых колебаний заявитель согласился встретиться с Т. Позже С. вернулся к Т. и передал ему 100 долларов США и 3 000 рублей. Когда заявитель приехал, Т. передал ему деньги. Именно тогда заявитель впервые услышал о С. и познакомился с ним. Заявитель сообщил С., что в отношении наркозависимости он ничем помочь ему не может.

28. Суд также изучил показания Т., полученные в ходе предварительного следствия: в них он указал, что С. спросил его, где он приобретает наркотики. Т. дал неопределенный ответ, сказав, что он знает кое-кого по имени Леван, кто может продать наркотики в большом количестве и обычно имеет их при себе. Т. сказал С., что он не покупает наркотики у Левана. С. попросил встретиться с Леваном, не уточнив, для чего ему это нужно. Когда 20 августа 2003 г. С. явился к Т., заявитель тоже собрался приехать. Все они собрались перед домом. С. поговорил о чем-то с заявителем.

29. В ходе судебного разбирательства заявитель утверждал, что при задержании сотрудники полиции, в частности, сотрудник полиции М., избили его, и что один из них ударил его по лицу пистолетом; тем не менее, он признался, что при надевании наручников он оказал сопротивление.

30. Сотрудник полиции К. был допрошен в суде в качестве свидетеля, будучи предупрежден о том, что за дачу ложных показаний или отказ от дачи показаний ему может грозить уголовная ответственность. Сотрудник полиции согласился дать показания и был допрошен в присутствии заявителя. Указанный сотрудник полиции показал, что ему пришлось использовать боевые приемы борьбы/рукопашного боя и надеть на одну руку заявителя наручник, так как последний размахивал руками и пытался сбежать; что он и заявитель несколько раз упали на землю; что у него была разбита губа, но он не обращался за медицинской помощью; что после задержания у заявителя не имелось никаких видимых повреждений, и что ему было нетрудно разговаривать.

31. Сотрудники полиции Су. и М., которые также были допрошены в суде, подтвердили показания К. Следователь Ф. подтвердила, что она не была предупреждена о каком-либо физическом или психическом принуждении в отношении заявителя, и что во время его допросов присутствовал адвокат.

32. Тем временем 15 апреля 2004 г. прокурор Гагаринского района вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении указанных сотрудников полиции (см. пункт 43 ниже).

33. Решением от 30 апреля 2004 г. районный суд признал заявителя виновным в приобретении, хранении и сбыте героина и приговорил его к восьми годам лишения свободы.

34. Заявитель обжаловал данное решение. Он утверждал, что показания сотрудников полиции и С. противоречат друг другу и не должны служить основой для признания его виновным, и что между временем происхождения различных событий и составлением соответствующих процессуальных документов имеются несоответствия.

35. 17 августа 2004 г. Московский городской суд оставил данное решение без изменения.

36. 13 марта 2009 г. Президиум городского суда счел, что, поскольку в ходе проверочной закупки у заявителя были изъяты наркотические средства, он должен быть признан виновным в попытке совершения преступления, связанного со сбытом наркотических средств. Президиум «исключил» признание его виновным в приобретении и хранении наркотических средств. В результате пересмотра указанного решения в порядке надзора заявитель был приговорен к семи годам и шести месяцам лишения свободы.

B. Проверка по факту утверждения о жестокости сотрудников полиции

37. В период с 20 или 21 по 24 августа 2003 г. заявитель содержался в изоляторе временного содержания. 24 августа 2003 г. сотрудники следственного изолятора № 77/2 г. Москвы отказались принять его по причине очевидного наличия травм у заявителя. До или после этого заявитель был доставлен в травматологическое отделение больницы № 1. Во второй половине дня он был доставлен в больницу № 36, где врач подтвердил, что у него имеется перелом челюсти. Затем в период с 24 августа по 8 сентября 2003 г. заявитель содержался в медицинской части следственного изолятора № 77/1, где ему была оказана медицинская помощь в связи с наличием у него перелома челюсти. После этого заявитель содержался в следственном изоляторе № 77/2.

38. По утверждению заявителя, в изоляторе временного содержания и в следственном изоляторе № 77/2 он предъявлял жалобы на

состояние здоровья. Ни в данных изоляторах, ни после его поступления в следственный изолятор № 77/1 никаких проверок по факту применения в отношении него силы при задержании не проводилось.

39. Заявитель утверждал, что в неуказанный день он написал жалобу в Генеральную прокуратуру на жестокое обращение с ним во время и после его задержания 20 августа 2003 г. Ответа он не получил.

40. В октябре 2003 г. заявитель выдал своей жене письменную доверенность на совершение действий от его имени и представление его интересов в различных государственных органах.

41. В период проведения судебного разбирательства по делу заявителя (см. выше), 19 марта 2004 г., его жена обратилась с жалобами в различные государственные органы, в том числе в прокуратуру, утверждая, что дело в отношении заявителя было «сфабриковано», что доказательства по делу были подтасованы, и что при задержании заявитель подвергся жестокому обращению.

42. В неуказанный день было начато проведение доследственной проверки.

43. Сотрудник полиции М. показал, что заявителя пришлось усмирить с использованием приемов борьбы, поскольку он оказал сопротивление при задержании. Сотрудники полиции К. и Су. утверждали, что при задержании заявитель оказал активное сопротивление. Сотрудник Р. показал, что в ОВД заявитель был «здоров», не имел телесных повреждений и давал четкие ответы на различные вопросы. 15 апреля 2004 г. прокурор Гагаринского района вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении указанных сотрудников полиции в связи с превышением должностных полномочий (статья 286 Уголовного кодекса РФ). Прокурор исходил из письменных показаний сотрудников полиции, а также сослался на показания заявителя, данные им в ходе судебного разбирательства.

44. Жена заявителя не ходатайствовала о судебном пересмотре вышеуказанного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Она утверждала, что доследственная проверка не была тщательной, и попросила суд назначить судебную экспертизу для того, чтобы выяснить, были ли травмы заявителя получены (i) при падении его и К. на землю в результате использования боевых приемов борьбы или рукопашного боя данным сотрудником, или (ii) из-за того, что К. ударил его рукояткой/стволом пистолета.

45. 18 июня 2004 г. Гагаринский районный суд рассмотрел жалобу на вышеуказанное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Заслушав жену заявителя и адвоката, суд оставил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела без изменения, отметив, что решение прокурора было основано на письменных показаниях

сотрудников полиции и «других свидетелей, которые дали показания в суде». Наконец, суд указал, что он не обладает компетенцией по вынесению постановления о проведении судебно-медицинской экспертизы телесных повреждений заявителя.

46. 7 июля 2004 г. Московский городской суд оставил постановление суда первой инстанции без изменения. Суд постановил следующее:

> «[Нижестоящий] суд подтвердил выводы доследственной проверки, согласно которым [заявитель] получил перелом челюсти при задержании, когда он оказал сопротивление сотрудникам полиции».

47. Тем не менее, 24 сентября 2004 г. вышестоящий прокурор отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 15 апреля 2004 г. Он отметил, что проверка была недостаточно тщательной, поскольку некоторые утверждения жены заявителя не были проанализированы надлежащим образом, и не было допрошено несколько человек, в том числе следователь Ф., которая вела уголовное дело заявителя, и понятые, присутствовавшие 20 августа 2003 г.

48. В ходе возобновленной проверки Ро. показал, что он был понятым, и что «все меры, принятые в его присутствии в отношении заявителя, были законными». Следователь Ф. не дала показаний по поводу предполагаемого жестокого обращения. Вместо этого она опровергла утверждение о предполагаемом изъятии денег у заявителя.

49. 21 октября 2004 г. другой прокурор Гагаринской районной прокуратуры вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении указанных сотрудников по статье 286 Уголовного кодекса РФ. В своем постановлении он сослался на различные показания, данные в ходе судебного разбирательства, а также на выводы об обстоятельствах дела и выводы правового характера, сделанные в отношении заявителя в постановлении суда первой инстанции.

50. 25 октября 2004 г. вышестоящий прокурор подтвердил законность этого решения. Тем не менее, 27 декабря 2004 г. районный суд отменил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 21 октября 2004 г. По сути, он указал, что жалоба касается утверждений о жестоком обращении и чрезмерном применении силы, а не о злоупотреблении должностными полномочиями.

51. Проведение новой проверки было поручено тому же районному прокурору. 11 марта 2005 г. он вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции в связи с злоупотреблением должностными полномочиями, принуждением к даче показаний и фальсификацией доказательств (статьи 286, 301-303, 306-307 Уголовного кодекса РФ). По-видимому, впоследствии это постановление было отменено по неуказанным основаниям.

52. 14 сентября 2005 г. районная прокуратура провела повторное рассмотрение вышеуказанных вопросов и вновь вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции. Прокурор сослался на заключение судебно-медицинской экспертизы, дата составления которого не указана, и которое содержало вывод о наличии у заявителя гематомы в области левой лопатки. По национальным стандартам такая гематома не считалась причинением вреда здоровью. Из-за отсутствия описания гематомы (ее цвета, формы, размера и т.д.) определить время получения этой травмы было невозможно.

53. 7 ноября 2005 г. заместитель прокурора г. Москвы отменил вышеуказанное постановление и постановил, что нижестоящий прокурор должен был получить больше медицинских заключений, а также распорядиться о проведении судебно-медицинской экспертизы, чтобы определить происхождение и точный характер травм.

54. В ходе возобновленной проверки была изъята медицинская карта заявителя, составленная в следственном изоляторе. Центр государственной экспертизы отказался проводить судебную экспертизу в отсутствие рентгеновских снимков, сделанных в больнице в августе 2003 г. Тем не менее, прокурор имел доступ к медицинской карте заявителя, составленной в месте заключения, в том числе к последним рентгеновским снимкам. 22 февраля 2006 г. эксперт вынес заключение о том, что помимо гематомы у заявителя имелись синяки на правой лопатке, на бедрах, в левой подвздошной области и с обеих сторон в области паха. Эти синяки появились у него вследствие ударов твердым(-и) предметом(-ами). Тем не менее, эксперт не смог определить дату их появления по причине «неполноты исходной информации». По информации, содержащейся в досье заявителя, составленном в местах заключения, заявитель имел закрытый перелом челюсти, однако эксперт вновь не смог подтвердить, что он был получен в августе 2003 г.

55. Прокурор также заслушал А., следователя, которая допрашивала заявителя 21 августа 2003 г. (см. пункт 15 выше). Она показала, что не может ясно припомнить обстоятельства этого допроса, но заявила, что она не знала о том, что заявитель страдал психическим расстройством.

56. 17 марта 2006 г. районная прокуратура вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции.

57. 5 июля 2006 г. заместитель прокурора г. Москвы отменил вышеуказанное постановление и указал районной прокуратуре принять меры по истребованию медицинской карты заявителя, составленной в больнице № 36. По-видимому, в тот момент медицинская карта находилась в распоряжении сотрудника полиции П. Заместитель

прокурора г. Москвы также потребовал, чтобы нижестоящий прокурор запросил официальное подтверждение того факта, что в распоряжении сотрудников следственного изолятора не имелось (или больше не имеется) рентгеновских снимков заявителя за 2003 год, и чтобы эксперту была предоставлена копия показаний сотрудников полиции о применении силы.

58. 11 января 2007 г. эксперт подтвердил выводы, содержавшиеся в заключении от 22 февраля 2006 г.

59. 25 января 2007 г. районный прокурор провел повторное рассмотрение дела и вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции. В дополнение к своим предыдущим выводам он добавил, что он получил больничную медицинскую карту заявителя и распорядился о проведении новой судебной экспертизы.

60. 3 апреля 2007 г. это постановление было отменено, поскольку прокурор не рассмотрел должным образом жалобу, связанную с проведением проверочной закупки и предполагаемой фальсификацией процессуальных документов.

61. 9 июня 2007 г. районная прокуратура вынесла новое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, согласившись с выводами по поводу предполагаемого жестокого обращения, содержавшимися в постановлении от 25 января 2007 г.

62. Заявитель не ходатайствовал о судебном пересмотре вышеуказанного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. 4 декабря 2007 г. районный суд отменил постановление от 9 июня 2007 г., поскольку районный прокурор не рассмотрел надлежащим образом жалобу на жестокое обращение. 23 января 2008 г. городской суд отменил это постановление.

63. Проведя повторное рассмотрение дела, 8 февраля 2008 г. другой судья районного суда оставил постановление от 9 июня 2007 г. без изменения. 12 марта 2008 г. городской суд оставил это постановление без изменения.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

A. Методы проведения расследования

64. Закон 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (Федеральный закон № 144-ФЗ от 12 августа 1995 г.) предусматривает гласное и негласное осуществление деятельности оперативными подразделениями определенных государственных органов (статья 1 закона). Задачами оперативно-розыскной деятельности являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а

также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (статья 2). Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать эти действия в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокуратуру или в суд (статья 5). 24 июля 2007 г. в статью 5 закона были внесены поправки, запрещающие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению правонарушений.

65. Основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются наличие возбужденного уголовного дела либо ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (статья 7). Проверочная закупка или оперативное внедрение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, равно как и лиц, оказывающих им содействие, должны проводиться на основании постановления, вынесенного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (статья 8).

66. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями законодательства, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств (статья 11).

Б. Применение силы со стороны полиции и оказание медицинской помощи задержанным

67. Закон 1991 г. «О полиции» (Федеральный закон № 1026-I от 18 апреля 1991 г.) предоставляет сотрудникам полиции право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, для пресечения преступлений, для задержания лиц, их совершивших, и для преодоления противодействия законным требованиям, если ненасильственные способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей (статья 13 закона).

68. Законные требования сотрудника полиции обязательны для исполнения. Невыполнение законных требований сотрудника полиции и действия, препятствующие их выполнению, влекут за собой ответственность в установленном законом порядке. Сотрудники

полиции не несут ответственности за моральный, материальный и физический ущерб, причиненный применением физической силы, если причиненный вред соразмерен силе, примененной в отношении правонарушителя (статья 23 закона).

69. Согласно Правилам внутреннего распорядка изоляторов временного задержания, утвержденным Министерством внутренних дел РФ 26 января 1996 г., доставленные в ИВС для содержания лица опрашиваются дежурным по ИВС о состоянии их здоровья и возможных жалобах (пункт 9.3). В случае предъявления жалоб или при явных травмах или признаках заболевания у задержанного дежурный по ИВС обязан немедленно вызвать бригаду скорой неотложной медицинской помощи. Вышеуказанные моменты должны фиксироваться в специальном журнале. При получении задержанным телесных повреждений его медицинское освидетельствование должно безотлагательно производиться в больнице или, по просьбе задержанного, в другом медицинском учреждении.

70. Согласно Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов, которые были утверждены Министерством юстиции РФ 12 мая 2000 г., с учетом поправок, внесенных в 2002 г., при поступлении в СИЗО задержанные должны пройти медицинский осмотр (пункты 16 и 130). При выявлении телесных повреждений медицинским персоналом составляется соответствующий акт; также должно быть вынесено распоряжение о проведении проверки, материалы которой должны быть направлены прокурору для принятия решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела (пункты 16 и 137).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

71. Заявитель жаловался на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с тем, что 20 и 21 августа 2003 г. он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников полиции, и что по факту предполагаемого жестокого обращения не было проведено эффективного расследования.

72. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Доводы сторон

1. Заявитель

73. Заявитель утверждал, что при задержании он подвергся жестокому обращению. Доказательств того, что при задержании заявитель оказал активное сопротивление, не имелось. Он выполнил распоряжения сотрудников полиции и предъявил удостоверяющие личность документы. Его не предупредили о том, что в отношении него может быть использована сила. Оказанное им сопротивление было не более чем спонтанной реакцией на неожиданное применение в отношении него силы и на физическую боль, вызванную скручиванием его рук сотрудником полиции. Последовавшие за этим побои и удар пистолетом были незаконны и несоразмерны оказанному сопротивлению.

74. Заявитель также утверждал, что позже в ОВД он также подвергся жестокому обращению, запугиванию и угрозам, цель которых состояла в «выбивании» у него признания (см. пункты 12–14 выше).

75. Кроме того, заявитель утверждал, что все его жалобы, в том числе жалобы, предъявленные им следователю 21 августа 2003 г., были оставлены без ответа. Не была инициирована проверка для безотлагательного рассмотрения его утверждений о жестоком обращении.

2. Власти

76. Власти утверждали, что при задержании заявителя 20 августа 2003 г. он оказал активное сопротивление. Сотрудники полиции применили в отношении него физическую силу на законных основаниях, поэтому ее применение не могло представлять собой форму бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Позже заявитель был допрошен в присутствии адвоката и не предъявил никаких жалоб на здоровье. Все обстоятельства задержания были подвергнуты тщательной проверке, которая включала в себя сбор письменных показаний (сотрудников полиции и других государственных служащих, адвоката и других лиц) и медицинских свидетельств, таких как заключение судебной экспертизы.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

77. Суд отмечает, что в данной части жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по

каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(a) Применение силы в отношении заявителя и предполагаемые побои

(i) Общие принципы

78. Суд напоминает, что статья 3 Конвенции категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание. Чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, ненадлежащее обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости, оценка которого зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность такого обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего (см., среди других прецедентов, постановление Европейского Суда от 18 января 1978 г. по делу *«Ирландия против Соединенного Королевства»* (*Ireland v. the United Kingdom*), пункт 162, Series A № 25).

79. В отношении лица, лишенного свободы, любое применение физической силы, которое не являлось строго необходимым в связи с его поведением, унижает человеческое достоинство и, в принципе, представляет собой нарушение права, закрепленного в статье 3 Конвенции (см., в числе прочих, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Лабита против Италии»* (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 120, ECHR 2000–IV, и постановление Европейского Суда от 4 декабря 1995 г. по делу *«Рибич против Австрии»* (*Ribitsch v. Austria*), пункт 38, Series A № 336, оба из которых касаются утверждений о жестоком обращении в полиции либо в следственных изоляторах).

80. Что касается применения физической силы при задержании, Суд напоминает, что, хотя статья 3 не запрещает применение силы для осуществления законного задержания, такая сила не должна быть чрезмерной (см., в числе прочих, постановление Европейского Суда от 29 января 2009 г. по делу *«Поляков против России»* (*Polyakov v. Russia*), жалоба № 77018/01, пункт 25).

81. Суд повторяет, что в силу субсидиарного характера его функций он должен проявлять осторожность при принятии на себя роли суда первой инстанции, устанавливающего факты, в тех случаях, когда это не представляется неизбежным с учетом обстоятельств конкретного дела. Суд постановлял при различных обстоятельствах, что, если имело место судебное разбирательство на национальном уровне, в задачу Суда не входит подмена своей собственной оценкой фактов оценки национальных судов, и, как правило, именно

национальные суды должны оценивать представленные им доказательства (см., среди других прецедентов, постановление Большой палаты Европейского Суда от 24 марта 2011 г. по делу *«Джиулиани и Гаджио против Италии»* (*Giuliani and Gaggio v. Italy*), жалоба № 23458/02, пункты 179 и 180). Несмотря на то, что Суд не связан выводами внутригосударственных судов, для того, чтобы вынудить его отойти от выводов таких судов о фактах, при обычных обстоятельствах необходимо наличие неопровержимых аргументов (там же).

82. В то же время, в соответствии со статьей 19 Конвенции обязанность Суда заключается в обеспечении соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции. При наличии утверждений о нарушении статьи 3 Конвенции Суд обязан провести особенно тщательную проверку.

83. При оценке доказательств в делах, касающихся статьи 3 Конвенции, Суд, как правило, применяет принцип доказывания «вне разумных сомнений». Тем не менее, Суд никогда не стремился заимствовать подход национальных правовых систем, в которых используется данный принцип. Роль Суда состоит не в разрешении вопроса о виновности в совершении преступления или о гражданской ответственности, а в определении ответственности Договаривающихся Сторон в рамках Конвенции. Специфика его задачи в рамках статьи 19 Конвенции – обеспечение соблюдения Договаривающимися Сторонами своего обязательства по обеспечению основных прав, закрепленных в Конвенции – обусловливает его подход к вопросам доказательств и доказывания. В ходе судебного разбирательства Суд не ограничен какими-либо процессуальными барьерами для признания доказательств допустимыми либо заранее определенными правилами их оценивания. Суд делает выводы, которые, по его мнению, подтверждаются свободной оценкой всех доказательств, включая такие заключения, которые могут следовать из фактов и доводов сторон. В соответствии со сложившейся прецедентной практикой Суда такой критерий доказывания может следовать из совокупности достаточно веских, ясных и согласованных предположений или похожих неопровержимых фактических презумпций. Более того, уровень убедительности, необходимый для получения конкретного вывода, и, в связи с этим, распределение бремени доказывания по сути связаны со спецификой фактов, характером обвинений и затрагиваемыми правами, закрепленными в Конвенции. Суд также помнит о важности своих решений в отношении нарушений Договаривающимися Государствами основных прав (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Начова и*

другие против Болгарии» (*Nachova and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, пункт 147, ECHR 2005–VII).

84. Производство по жалобам на нарушения Конвенции не всегда характеризуется неуклонным применением принципа *affirmanti incumbit probatio (бремя доказывания лежит на обвиняющей стороне)*. Суд напоминает о своей прецедентной практике по вопросам нарушений статей 2 и 3 Конвенции, согласно которой в том случае, если рассматриваемые события находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные фактические презумпции в отношении травм и случаев смерти, имевших место во время содержания под стражей. В таком случае можно считать, что на властях лежит бремя доказывания с целью предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения (см. постановления Европейского Суда по делам *«Салман против Турции»* (*Salman v. Turkey*) [БП], жалоба № 21986/93, пункт 100, ECHR 2000–VII; *«Чакичи против Турции»* (*Çakıcı v. Turkey*) [БП], жалоба № 23657/94, пункт 85, ECHR 1999-IV; и *«Крянгэ против Румынии»* (*Creangă v. Romania*) [БП], жалоба № 29226/03, пункт 90, от 23 февраля 2012 г.).

(ii) Применение указанных принципов к настоящему делу

85. Помимо того, что заявитель утверждал об избиении при задержании, он также заявил Суду, что после того, как он был доставлен в ОВД, задержавший(-е) его сотрудник(-и) избивал(-и) его руками и ногами. Однако остается неясным, достаточно ли он настаивал на этом утверждении в ходе судебного разбирательства во внутригосударственных судах. Решения внутригосударственных судов и замечания Властей не содержат конкретных выводов по данному вопросу. Суд определит, было ли применение силы при задержании заявителя чрезмерным, исходя из предположения о том, что все травмы (на которые жаловался заявитель и которые были зафиксированы документально) были причинены при задержании.

86. Заявитель получил перелом челюсти и несколько других травм (см. пункты 37, 46, 52 и 54 выше). Хотя некоторые из этих травм не представляли вреда для здоровья в соответствии с национальными стандартами, это не мешает национальным властям и Суду установить, были ли эти травмы достаточно серьезными для того, чтобы достигнуть «минимального уровня жестокости» в рамках статьи 3 Конвенции. В случае утвердительного ответа на это, Суду остается рассмотреть вопрос о том, должна ли ответственность за травмы, вытекающая из статьи 3 Конвенции, быть возложена на органы государственной власти.

87. В результате проверки, проведенной на внутригосударственном уровне, был сделан вывод о том, что заявитель оказал сопротивление

при законном задержании, и что сотрудники полиции были вынуждены применить физическую силу и наручники для того, чтобы преодолеть сопротивление заявителя.

88. Принимая во внимание трудности, связанные с поддержанием порядка в современных обществах, непредсказуемость человеческого поведения и тот факт, что оперативные решения должны приниматься с учетом имеющихся приоритетов и ресурсов, как уже указывал Суд, в частности, в рамках статьи 2 Конвенции, на власти не должно возлагаться невозможное бремя в тех случаях, когда им приходится сталкиваться с ситуациями беспорядков или насилия, которые могут привести к непредсказуемому развитию событий (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Макарацис против Греции»* (*Makaratzis v. Greece*), жалоба № 50385/99, пункт 69, ECHR 2004–XI, и постановление Европейского Суда от 24 мая 2007 г. по делу *«Зелилоф против Греции»* (*Zelilof v. Greece*), жалоба № 17060/03, пункт 48).

89. В соответствии с прецедентной практикой Суда материальный аспект статьи 3 Конвенции требует, чтобы в результате надлежащей оценки предположительно чрезмерного применения силы было установлено, была ли степень физической силы чрезмерной, принимая во внимание обстоятельства, относящиеся к данному вопросу, например, поведение самого лица. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд не убежден в том, что в результате проверки, проведенной по настоящему делу на внутригосударственном уровне, была произведена оценка, которая отвечает этому требованию, по крайней мере, по сути. Судебное разбирательство, проведенное в рамках статьи 125 УПК РФ, также не привело к устранению соответствующих недостатков.

90. Суд отмечает, что заявитель получил телесные повреждения в ходе операции, проводившейся сотрудниками полиции. Никакие обстоятельства настоящего дела не свидетельствуют об особой срочности этой операции. Следовательно, власти имели возможность спланировать свою операцию (см. постановление Европейского Суда по делу *«Ребок против Словении»* (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункт 72, ECHR 2000–XII). В связи с этим следует, что указанная операция органов правопорядка была проведена тремя сотрудниками полиции, которые также произвели задержание заявителя. По-видимому, прежде чем приступить к задержанию заявителя, они представились и попросили заявителя предъявить удостоверение личности, что он и сделал. По поводу последующих событий стороны разошлись во мнениях.

91. Суду не было представлено никаких отчетов или письменных показаний сотрудников полиции за август 2003 г., к примеру, на имя их начальства, по поводу применения силы или огнестрельного

оружия при задержании заявителя. В решениях, принятых государственными органами в 2004 г. и впоследствии, упоминается о сопротивлении заявителя при задержании, которое в некоторых из этих решений квалифицируется как активное. Более того, в ходе судебного разбирательства по уголовному делу заявителя сотрудник полиции К. показал, что, когда он пытался задержать заявителя, из-за сопротивления последнего они упали на землю. Это могло стать причиной некоторых незначительных травм. По аналогии было бы нелишним рассмотреть вопрос о том, получил(-и) ли какие-либо травмы при задержании заявителя сотрудник(-и) полиции. Тем не менее, из имеющихся в распоряжении Суда решений не следует, что эти факторы были приняты во внимание при производстве оценки в ходе проведения проверки на внутригосударственном уровне.

92. Суд помнит о том, что закон «О полиции» предоставляет сотрудникам полиции право применять физическую силу, если ненасильственные способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей (статья 13 закона). Сотрудники полиции не могут нести ответственность за вред, причиненный применением физической силы, если причиненный вред соразмерен силе, примененной в отношении правонарушителя (статья 23 закона).

93. По сути, в настоящем деле не было предпринято добросовестной попытки точно установить, в чем заключалось такое сопротивление (попытка побега, использование нецензурной лексики, использование физических приемов воздействия или другие формы сопротивления), или точно определить видение ситуации сотрудников полиции, их фактическую реакцию на эту ситуацию, а также соразмерность такой реакции. В частности, Суд не убежден в том, что рассматриваемые телесные повреждения, в частности, перелом челюсти, были получены при падении заявителя и сотрудника полиции на землю в результате использования боевых приемов борьбы или рукопашного боя данным сотрудником. Орган, проводивший проверку, не имел четкой позиции по вопросу о том, имелось ли у сотрудников полиции огнестрельное оружие, и могло ли оно быть использовано для причинения перелома челюсти, как неуклонно утверждал заявитель.

94. Несмотря на конкретное утверждение заявителя о виновности одного из сотрудников полиции, производивших его задержание, национальные власти не предоставили правдоподобного объяснения по поводу обстоятельств, при которых заявитель получил перелом челюсти во время задержания.

95. Кроме того, Суд отмечает, что, несмотря на то, что применение силы в отношении заявителя является установленным фактом, имеющиеся в его распоряжении материалы не свидетельствуют о том, что заявитель был незамедлительно доставлен к медицинскому работнику, или что ему была немедленно оказана медицинская

помощь в связи с наличием у него телесных повреждений, в частности, перелома челюсти (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Ильхан против Турции»* (*İlhan v. Turkey*), жалоба № 22277/93, пункт 87, ECHR 2000–VII, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 8 января 2009 г. по делу *«Барабанщиков против России»* (*Barabanshchikov v. Russia*), жалоба № 36220/02, пункт 46).

96. С учетом вышеуказанных соображений, признавая тот факт, что при задержании заявитель оказал некоторое сопротивление, Суд приходит к выводу, что ему не было представлено убедительных доказательств того, что применение физической силы сотрудниками полиции, повлекшее относительно серьезные травмы, не было чрезмерным. Последствием такого применения силы стали травмы, причинившие заявителю серьезные страдания, которые по своему характеру были равносильны бесчеловечному обращению (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *«Ребок против Словении»*, пункт 77).

97. Таким образом, Суд приходит к выводу, что обстоятельства настоящего дела свидетельствуют о нарушении статьи 3 Конвенции в связи с чрезмерным применением силы в отношении заявителя.

(б) Предполагаемое непроведение эффективного расследования по факту побоев

(i) Общие принципы

98. Суд напоминает, что, если лицо предъявляет небезосновательную жалобу о том, что в нарушение статьи 3 Конвенции оно подверглось крайне жестокому обращению со стороны представителей государства, по данному факту должно быть проведено тщательное и эффективное расследование (см., в числе прочих, постановление Европейского Суда от 28 октября 1998 г. по делу *«Ассенов и другие против Болгарии»* (*Assenov and Others v. Bulgaria*), пункт 102, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998–VIII, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 1 июня 2010 г. по делу *«Гефген против Германии»* (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункт 117).

99. Несмотря на то, что не каждое расследование обязательно должно вести к выводу, совпадающему с версией событий заявителя, любое расследование должно быть в принципе способно привести к установлению обстоятельств дела и, если обвинения подтвердятся, к установлению и привлечению к ответственности виновных (см. постановление Европейского Суда по делу *«Махмут Кайа против Турции»* (*Mahmut Kaya v. Turkey*), жалоба № 22535/93, пункт 124,

ECHR 2000–III, и постановление Европейского Суда по *делу «Пол и Одри Эдвардс против Соединенного Королевства»* (*Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*), жалоба № 46477/99, пункт 71, ECHR 2002–II).

100. Расследование правдоподобных утверждений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это значит, что власти всегда должны предпринимать серьезные попытки по установлению хроники событий и не должны прекращать расследование либо принимать какие-либо решения на основании поспешных или необоснованных выводов (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *«Ассенов и другие против Болгарии»*, пункт 103 и далее). Они должны предпринимать все доступные им разумные меры для того, чтобы обеспечить наличие доказательств происшедшего, включая показания очевидцев и заключения судебной экспертизы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Танрикулу против Турции»* (*Tanrıkulu v. Turkey*), жалоба № 23763/94, пункт 104 и далее, ECHR 1999–IV, и постановление Европейского Суда от 14 декабря 2000 г. по делу *«Гюль против Турции»* (*Gül v. Turkey*), жалоба № 22676/93, пункт 89). Кроме того, Суд часто оценивал оперативность реагирования властей на жалобы в период, относящийся к обстоятельствам дела, придавая значение дате начала расследования, задержкам в сборе показаний и количеству времени, потребовавшемуся для завершения расследования (см. постановление Большой палаты Европейского Суда по делу *«Лабита против Италии»* (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, пункт 133 и далее, ECHR 2000–IV, и постановление Европейского Суда от 18 октября 2001 г. по делу *«Инделикато против Италии»* (*Indelicato v. Italy*), жалоба № 31143/96, пункт 37). Любой недостаток расследования, снижающий вероятность установления причины травм или личностей виновных, может привести к нарушению применимого стандарта.

(ii) Применение указанных принципов к настоящему делу

101. Обращаясь к настоящему делу, Суд напоминает, что травмы заявителя и его обвинения в адрес сотрудников полиции были достаточно серьезными для того, чтобы был достигнут «минимальный уровень жестокости», наличия которого требует статья 3 Конвенции. Кроме того, утверждения заявителя являлись «небезосновательными» и, следовательно, требовали проведения расследования органами государственной власти.

102. Прежде всего, следует установить, когда соответствующему органу государственной власти, который должен быть независим от предполагаемых правонарушителей и того учреждения, в котором они работают, впервые стало или должно было стать известно о

вероятности того, что заявитель получил травмы от рук сотрудников полиции.

103. В данном случае Власти не уточнили, когда именно органам власти впервые стало известно о возможном жестоком обращении или чрезмерном применении силы. Также не было выдвинуто предположений о том, что несвоевременное предъявление таких жалоб самим заявителем каким-либо существенным образом повлияло на эффективность расследования.

104. Заявитель утверждал, что в течение первых недель после задержания ему не была оказана эффективная правовая помощь; после задержания он находился в состоянии крайнего стресса; вследствие имевшегося у него психологического/психического расстройства и испытываемой им в то время физической боли он не настаивал на письменном фиксировании своей жалобы на жестокое обращение во время допроса, проводившегося следователем из следственного отдела при ОВД Обручевского района в связи с предъявленными ему обвинениями в совершении преступления (см. пункт 16 выше).

105. Из представленных Суду материалов не следует, что заявитель, адвокат или, к примеру, ближайшие родственники заявителя приняли неотложные меры для того, чтобы своевременно проинформировать органы государственной власти о жестоком обращении с заявителем, предположительно имевшем место 20 и 21 августа 2003 г. со стороны сотрудников ОВД Обручевского района. Суд отмечает, что вопросы, связанные с обстоятельствами задержания заявителя, впервые были выдвинуты в начале судебного разбирательства по делу заявителя в ноябре 2003 г. Отдельная официальная жалоба была подана женой заявителя не ранее, чем в марте или апреле 2004 г.

106. По мнению Суда, было бы лучше, если бы данный вопрос был незамедлительно представлен вниманию беспристрастного органа или должностного лица органа государственной власти, не зависящего от предполагаемых правонарушителей и того учреждения, в котором они работали (см. постановление Большой палаты Европейского Суда по делу *«Рамсахай и другие против Нидерландов»* (*Ramsahai and Others v. the Netherlands*), жалоба № 52391/99, пункт 325, ECHR 2007–II, а также постановление Большой палаты Европейского Суда по делу *«Огюр против Турции»* (*Oğur v. Turkey*), жалоба № 21594/93, пункты 91 и 92, ECHR 1999–III).

107. В связи с этим Суд сомневается в том, что сотрудник следственного отдела при ОВД Обручевского района, который вел расследование по уголовному делу в отношении заявителя, являлся представителем власти, достаточно независимым от сотрудников ОВД Обручевского района и самого ОВД для рассмотрения жалобы на жестокое обращение.

108. Как бы то ни было, 24 августа 2003 г., то есть через несколько дней после задержания заявителя, на теле заявителя были обнаружены определенные повреждения (см. пункты 37–38 выше), вследствие чего у властей появился случай выяснить обстоятельства, при которых в отношении заявителя была применена физическая сила. С учетом обстоятельств дела Суд не готов сделать выводы в пользу Властей из-за того, что заявитель несвоевременно поднял данный вопрос в национальных органах власти (см. для сравнения постановление Европейского Суда от 10 января 2012 г. по делу *«Сокуренко против России»* (*Sokurenko v. Russia*), жалоба № 33619/04, пункт 66, и постановление Европейского Суда от 17 января 2012 г. по делу *«А.А. против России»* (*A.A. v. Russia*), жалоба № 49097/08, пункт 88).

109. Суд признает, что органам государственной власти должно было быть известно о применении силы в отношении заявителя и наличии у него определенных повреждений еще до марта-апреля 2004 г. Следовательно, должно было быть проведено расследование. Органы государственной власти должны были отреагировать на утверждение заявителя, которое явно заслуживало доверия, без ненужных задержек и предоставить правдоподобное объяснение факта наличия травм у заявителя.

110. Хотя соответствующее судебное разбирательство, проведенное на внутригосударственном уровне, тянулось более четырех лет, следует признать, что в этот период было проведено определенное расследование. В ходе дополнительных проверок были предприняты усилия по выявлению и исправлению отдельных недостатков первоначально проведенной проверки.

111. Здесь Суд отмечает, что и первоначальная проверка, и постановление прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции были связаны со статьей 286 Уголовного кодекса РФ, которая касается злоупотребления должностными полномочиями со стороны должностных лиц. При разрешении вопроса о возможном нарушении статьи 2 или 3 Конвенции не следует путать ответственность государства в рамках Конвенции, возникающую в связи с действиями его органов, представителей и служащих, с внутригосударственными правовыми вопросами индивидуальной уголовной ответственности, которые рассматриваются внутригосударственными судами (см. постановление Европейского Суда по делу *«Голубева против России»* (*Golubeva v. Russia*), жалоба № 1062/03, пункт 98, от 17 декабря 2009 г., а также содержащиеся в нем ссылки). По сути, при осуществлении судебного пересмотра внутригосударственные суды подтвердили (см. пункт 50 выше), что жалоба заявителя касалась возможного жестокого обращения и неправомерного применения физической силы, а не злоупотребления должностными полномочиями. Тем не менее,

имеющихся в распоряжении Суда материалов недостаточно для вывода о том, что правовая классификация жалобы заявителя мешала органу, проводившему проверку по делу, установить соответствующие факторы фактического и правового характера в рамках статьи 3 Конвенции, или отрицательно сказалась на эффективности расследования, о чем будет сказано ниже.

112. Первое постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено в апреле 2004 г., примерно за две недели до прекращения судебного разбирательства по делу заявителя. Данное постановление было вынесено на основании согласующихся показаний сотрудников полиции; при этом заявитель, по-видимому, не был допрошен должностным лицом, проводившим проверку по его делу. Данное должностное лицо предпочло руководствоваться протоколом судебного заседания, содержащим показания заявителя по поводу обстоятельств его задержания. Более того, Суд отмечает, что между предполагаемым жестоким обращением и представлением уголовного дела заявителя в суд прошло относительно немного времени. Суд первой инстанции заслушал в качестве свидетелей сотрудников полиции, производивших задержание заявителя, которые были предупреждены о том, что за дачу ложных показаний или отказ от дачи показаний им может грозить уголовная ответственность. Из подробных протоколов судебных заседаний следует, что заявителю и его адвокату была предоставлена возможность допросить данных сотрудников полиции и оспорить подлинность и достоверность их показаний, по крайней мере, в той части, которая касалась предъявления заявителю обвинения в совершении преступления.

113. На органе, проводившем проверку по жалобе на жестокое обращение, по-прежнему лежала обязанность по оценке всех доказательств, имеющих отношение к данному делу. В связи с этим следует отметить, что в ходе первоначальной проверки не было получено и оценено никаких медицинских свидетельств. Не было проанализировано, в какой мере полученные травмы соответствовали характеру и интенсивности сопротивления задержанию со стороны заявителя. Сославшись на отсутствие компетенции по вынесению постановления о проведении экспертизы, при осуществлении судебного пересмотра в июне 2004 г. районный суд счел нецелесообразным признание постановления об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или не содержащим достаточных оснований. В июле 2004 г. суд кассационной инстанции подтвердил выводы суда первой инстанции. С учетом вышеизложенного, очевидно, что в период возобновления проверки с апреля по сентябрь 2004 г. никаких следственных мероприятий не проводилось.

114. Следует отметить, что в результате возобновления проверки в сентябре 2004 г. был допрошен понятой, который видел заявителя в

день задержания. Также был допрошен следователь, который допрашивал заявителя в августе 2003 г., но по неуказанным причинам он не дал показаний по поводу предполагаемого жестокого обращения. Вышесказанное было принято во внимание при вынесении нового постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом по-прежнему не было получено и оценено никаких медицинских свидетельств.

115. Суд подчеркивает, что надлежащее медицинское освидетельствование является важной мерой защиты от жестокого обращения (см. постановление Европейского Суда по делу *«Аккоч против Турции»* (*Akkoç v. Turkey*), жалобы №№ 22947/93 и 22948/93, пункты 55 и 118, ECHR 2000–X, а также многочисленные постановления по делам против России, например, постановление Европейского Суда от 18 марта 2010 г. по делу *«Максимов против России»* (*Maksimov v. Russia*), жалоба № 43233/02, пункт 88). Если после осмотра лица, которое утверждает, что подверглось жестокому обращению, врач составляет заключение, важно, чтобы он указал степень соответствия его утверждений о жестоком обращении имеющимся травмам. Заключение, в котором указывается степень подтверждения описания предполагаемого жестокого обращения, должно быть основано на рассмотрении различных возможных диагнозов (травм, не связанных с жестоким обращением, включая членовредительство и заболевания) (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *«Барабанщиков против России»*, жалоба № 36220/02, пункт 59).

116. По сути, орган, проводивший проверку по делу, начал ссылаться на медицинские заключения только через год после предполагаемого жестокого обращения. Однако эксперты не смогли сделать никаких верных выводов из-за недостаточно хорошего качества или неполноты имевшейся медицинской документации (см. пункты 37, 52 и 54 выше).

117. Как было указано выше (см. пункты 91–94 выше), нельзя сказать, что при проведении проверки на внутригосударственном уровне применялся, по крайней мере, по сути, подход, использование которого необходимо в рамках статьи 3 Конвенции, для того, чтобы установить, было ли применение силы сотрудниками полиции в отношении заявителя чрезмерным. Несмотря на то, что не каждое расследование обязательно должно вести к выводу, совпадающему с версией событий заявителя, любое расследование должно быть способно привести к установлению важных обстоятельств дела.

118. Принимая во внимание вышеуказанные недостатки и медленные темпы проверки, Суд приходит к выводу о том, что расследование по настоящему делу не отвечало требованиям статьи 3 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С НЕОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

119. Заявитель также предъявил отдельную жалобу на нарушение статьи 3 Конвенции (цит. выше), заявив, что после его задержания ему не была безотлагательно оказана медицинская помощь, и что он не получал регулярного лечения имевшегося у него психического расстройства во время содержания его под стражей в ходе предварительного следствия в период с августа по ноябрь 2003 г.

A. Доводы сторон

1. Власти

120. Власти утверждали, что в силу правила шести месяцев, содержащегося в пункте 1 статьи 35 Конвенции, заявитель может жаловаться только на те проблемы оказания медицинской помощи, которые имели место в течение шести месяцев до момента подачи его жалобы в Суд. Поскольку его жалоба на неоказание медицинской помощи связана с конкретными упущениями, имевшими место в 2003 г., правило шести месяцев им не соблюдено. В любом случае, заявитель обратился в Суд с этими жалобами до завершения производства по его уголовному делу в надзорной инстанции.

121. Что касается существа указанных жалоб, Власти утверждали, что после задержания заявитель был допрошен в присутствии адвоката и не предъявил никаких жалоб на здоровье. Сотрудники полиции приняли все необходимые меры для того, чтобы защитить его здоровье, организовав для него медицинское обследование в больнице. Власти придерживались мнения, что после задержания заявителю была оказана медицинская помощь.

122. Власти также утверждали, что в ходе первого допроса, проведенного следователем, заявитель не упомянул о наличии у него психического заболевания. Он также не сообщил об этом медицинскому персоналу больницы и медицинской части следственного изолятора. Он мог представить медицинские документы, составленные до его задержания, и попросить направить его на стационарное лечение в медицинской части следственного изолятора. В любом случае, он не требовал какого-то конкретного вида лечения.

2. Заявитель

123. Заявитель утверждал, что его жалоба не является несвоевременной, поскольку он предъявил ее в Суд в течение шести месяцев после вынесения кассационного определения по его уголовному делу, когда осознал, что его дальнейшие попытки получить компенсацию на внутригосударственном уровне обречены на провал. Что касается существа жалобы, он настаивал на своей жалобе, утверждая, что ему не была оказана неотложная медицинская помощь для лечения травм, полученных при задержании. Он также утверждал, что в следственном изоляторе ему не дали никаких лекарств и не организовали лечения в связи с наличием у него психического расстройства.

A. Оценка Суда

Приемлемость жалобы

124. Суд напоминает, что основная цель правила шести месяцев, содержащегося в пункте 1 статьи 35 Конвенции, заключается в обеспечении правовой определенности путем обеспечения рассмотрения дел, в которых поднимаются вопросы о нарушениях Конвенции, в разумные сроки, а также в недопущении того, чтобы органы власти и другие заинтересованные лица длительное время пребывали в состоянии неопределенности. Кроме того, данное правило дает потенциальному заявителю время для того, чтобы подумать, стоит ли ему подавать жалобу, и в случае утвердительного ответа на этот вопрос решить, какие конкретно жалобы и аргументы он выдвинет; помимо этого оно упрощает установление фактов по делу, так как с течением времени объективное рассмотрение поднятых вопросов становится проблематичным (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 29 июня 2012 г. по делу *«Сабры Гюнеш против Турции»* (*Sabri Güneş v. Turkey*), жалоба № 27396/06, пункт 39).

125. Как правило, течение шестимесячного срока начинается с момента вынесения окончательного решения в процессе исчерпания внутренних средств правовой защиты (см., в числе прочих, решение Европейского Суда от 5 февраля 2013 г. по вопросу приемлемости жалобы № 21056/11 *«Норкин против России»* (*Norkin v. Russia*), пункт 15). Однако в тех случаях, когда изначально было ясно, что в распоряжении заявителя не имеется эффективных средств правовой защиты, данный срок начинает отсчитываться с момента осуществления обжалуемых действий или мер, либо с того момента, когда стало известно о таких действиях, их последствиях для заявителя или причиненном ему вреде (см. постановление Европейского Суда от 10 января 2012 г. по делу *«Ананьев и другие против России»* (*Ananyev*

and Others v. Russia), жалобы №№ 42525/07 и 60800/08, пункт 72, а также содержащиеся в нем ссылки). Тем не менее, пункт 1 статьи 35 Конвенции не может быть истолкован как обязывающий заявителя забрать жалобу из Суда до того, как будет окончательно определена его позиция в рамках дела на внутригосударственном уровне. Таким образом, в тех случаях, когда заявитель сначала воспользовался несомненно имевшимся в наличии средством правовой защиты и только впоследствии узнал об обстоятельствах, делающих данное средство неэффективным, Суд полагает, что для целей пункта 1 статьи 35 Конвенции может быть целесообразно начать исчисление шестимесячного срока с того момента, когда заявитель впервые узнал или должен был узнать о таких обстоятельствах (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *«Норкин против России»*, пункт 15).

126. В том случае, если соответствующие факты представляют собой длящееся обстоятельство, и если на внутригосударственном уровне не было вынесено соответствующего окончательного решения по делу, течение шестимесячного срока начинается с момента прекращения существования такого обстоятельства (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *«Ананьев и другие против России»*, пункт 72).

127. Суд отмечает, что жалоба заявителя, впервые предъявленная в Суд в феврале 2005 г., касается двух вопросов: (i) непредоставление ему властями медицинской помощи в связи с получением травм при задержании, которое имело место в период с 20 по 24 августа 2003 г.; и (ii) отсутствие регулярного лечения психического расстройства во время последующего содержания его под стражей до ноября 2003 г.

128. Стороны не утверждали, и Суд не считает, что в период с 2004 по 2008 годы в ходе разбирательств, упомянутых в пунктах 41–63 выше, поднимался вопрос об оказании первой медицинской помощи, по крайней мере, по существу (см. также выводы Суда в пунктах 101–118 выше). Суд также не согласен с мнением заявителя о том, что шестимесячный срок следует исчислять с оглядкой на определение суда кассационной инстанции по уголовному делу заявителя от 14 августа 2004 г. Вопрос об оказании медицинской помощи не подлежал дальнейшему рассмотрению в рамках этих разбирательств, которые, в любом случае, вряд ли завершились бы присуждением соответствующей компенсации (см. для сравнения постановление Европейского Суда от 11 октября 2011 г. по делу *«Романова против России»* (*Romanova v. Russia*), жалоба № 23215/02, пункты 171–174). Стороны не предлагали Суду принять во внимание другое «окончательное решение» в рамках правила шести месяцев, содержащегося в пункте 1 статьи 35 Конвенции. В связи с этим Суд

напоминает, что доказывать факт соблюдения правила шести месяцев должен, прежде всего, заявитель.

129. По мнению Суда, эти соображения справедливы и в отношении второй жалобы заявителя, касающейся медицинского обслуживания в период последующего содержания его под стражей до ноября 2003 г.

130. Таким образом, даже если сделать предположение в пользу заявителя о том, что он выполнил требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты в отношении обеих жалоб, и что данные жалобы обоснованы им надлежащим образом, Суд считает, что они были предъявлены в Суд несвоевременно.

131. Отсюда следует, что данная часть жалобы была представлена несвоевременно и подлежит отклонению на основании пунктов 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

132. Заявитель жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с тем, что он был несправедливо осужден за совершение преступлений, связанных с распространением наркотиков. Он также утверждал, что эти преступления были совершены им в результате провокации со стороны сотрудников полиции.

133. В частях, имеющих отношение к данному делу, статья 6 Конвенции гласит следующее:

> «Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... судом...».

A. Доводы сторон

1. Заявитель

134. Ссылаясь на свою собственную версию событий (см. пункты 12–14 выше), заявитель утверждал, что до проведения проверочной закупки он не знал С., и что между ними не было никакого предварительного сговора или договоренности по поводу того, в каком количестве и по какой цене должны быть поставлены наркотические средства. Власти не имели никаких оснований подозревать заявителя в том, что он: (i) планировал совершить или совершил преступление, наличия чего требует закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — «закон об ОРД») в случае проведения проверочной закупки; либо (ii) занимался в прошлом или в то время преступной деятельностью, связанной с незаконным оборотом наркотиков, или планировал ею заняться. Заявитель был спровоцирован на совершение преступления представителями государственных органов и С.,

который действовал по их указаниям и под их контролем. Фактических оснований для проведения проверочной закупки было явно недостаточно; ее целью было создание условий для совершения преступления. Проведение закупки не было должным образом санкционировано в соответствии с законом об ОРД. Не было предварительно получено разрешение судебных органов, и впоследствии ими не осуществлялось никакого надзора. Будучи лишенным эффективной правовой помощи на стадии проведения предварительного следствия по делу, заявитель смог предъявить жалобы в этой связи только в ходе судебного разбирательства. Тем не менее, в ходе судебного разбирательства в его распоряжении не имелось никаких полезных средств для выдвижения доводов о провокации, поскольку законодательный запрет на «провокацию к совершению преступлений» был введен только в 2007 г. Прежде чем сотрудники полиции «предположительно изъяли» у заявителя оставшийся пакетик с наркотиками, они избили его в ОВД.

135. Заявитель также утверждал, что некоторые доказательства были переданы судье суда первой инстанции без уведомления стороны защиты; что при задержании он не был проинформирован об имевшемся у него праве на адвоката; и что возможность вызова дополнительных свидетелей была предоставлена ему в недостаточном объеме.

2. Власти

136. Исходя из выводов суда первой инстанции по делу заявителя, Власти утверждали, что органы власти не провоцировали заявителя на совершение преступлений. Решение о проведении проверочной закупки наркотических средств было принято компетентным лицом, а именно начальником ОВД. Это решение было принято на основании информации, полученной от С., который указал на заявителя как на торговца наркотиками. В результате вышеизложенного в отношении заявителя возникли обоснованные подозрения. Органы власти выдали С. деньги и провели наблюдение за ходом проверочной закупки, которая была направлена на проверку информации, полученной от С., на установление личностей лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков, и на пресечение/предотвращение преступления. Государственное законодательство содержит ряд гарантий недопущения злоупотребления этим следственным методом.

137. Утверждения заявителя о провокации со стороны сотрудников полиции неоднократно проверялись прокуратурой и судами, к примеру, в тот период, когда заявитель оспаривал свое задержание и изъятие у него наркотиков. Суд первой инстанции удовлетворил ходатайства стороны защиты о вызове ряда лиц в качестве свидетелей.

A. Оценка Суда

138. Прежде чем перейти к конкретному вопросу о провокации со стороны сотрудников полиции, который лежит в основе настоящей жалобы, Суд рассмотрит общие доводы заявителя о предполагаемой несправедливости судебного разбирательства по его уголовному делу (см., с точки зрения применения аналогичного подхода, решение Европейского Суда от 9 октября 2012 г. по вопросу приемлемости жалобы № 12025/02 *«Трифонцов против России»* (*Trifontsov v. Russia*)).

1. Справедливость: вопросы общего характера

139. Прежде всего, Суд напоминает, что в его обязанности не входит рассмотрение ошибок, предположительно допущенных внутригосударственными судами при установлении обстоятельств дела и разрешении вопросов правового характера, если только они не привели к нарушению прав и свобод, охраняемых Конвенцией. Несмотря на то, что статья 6 Конвенции гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, она не устанавливает никаких правил допустимости доказательств как таковых, поскольку этот вопрос должен регулироваться, в первую очередь, национальным законодательством (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу *«Яллох против Германии»* (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, пункт 94, ECHR 2006–IX). Вопрос, на который необходимо ответить в данном случае, это вопрос о том, было ли судебное разбирательство по данному делу в целом справедливым. Что касается статьи 6 Конвенции, то Суд не призван выступать в качестве апелляционного суда «четвертой инстанции», ставящего под сомнение решения, вынесенные национальными судами.

140. Изучив имеющиеся в его распоряжении материалы, Суд считает, что заявитель не был осужден на основании доказательств, полученных под принуждением или в нарушение его права на юридическую помощь. Также следует отметить, что заявитель имел широкие возможности для оспаривания допустимости и достоверности доказательств в судах двух инстанций, и что его доводы по этому вопросу были должным образом учтены судом кассационной инстанции. По-видимому, нераскрытая информация не сыграла никакой роли в принятии решений и в производстве оценки внутригосударственными судами. Даже если «проверочная закупка», которая привела к задержанию и осуждению заявителя, и имела некоторые процессуальные недостатки с точки зрения государственного законодательства, ничто не свидетельствует о том, что вследствие масштаба и характера этих недостатков осуждение заявителя было несправедливым по смыслу пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. вышеуказанное решение Европейского Суда по делу

«Трифонцов против России»). В принципе, внутригосударственные суды имеют больше возможностей для того, чтобы судить о надежности свидетелей и точности отчетов о проведении расследования, а также об их формальном соответствии требованиям государственного законодательства. В данных обстоятельствах Суд не видит оснований для оспаривания решения внутригосударственных судов о допущении в качестве доказательств материалов, полученных в результате проведения проверочной закупки наркотических средств.

141. Следовательно, в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

2. Провокация со стороны сотрудников полиции

142. Основной упор в доводах, выдвинутых заявителем в Суде, был сделан на предполагаемой провокации со стороны сотрудников полиции, в результате которой, по его утверждению, им было совершено преступление. Заявитель утверждал, что в его случае проверочная закупка была санкционирована незаконно, в отсутствие предварительно полученной информации об осуществлении им преступной деятельности, и что органы власти провели расследование таким образом, который не был «пассивным по своей сути». Он также сослался на отсутствие нормативной базы, предусматривающей средства защиты при проведении скрытых операций; при этом он утверждал, что основания, приведенные внутригосударственным судом при отклонении его довода о провокации, были неубедительными.

143. Заявитель не указал достаточно точно, были ли его вышеуказанные доводы связаны с обвинениями в приобретении и хранении наркотиков, и, если да, то как именно. В любом случае, следует отметить, что в 2009 г. городской суд признал его невиновным в совершении этих преступлений. В данных обстоятельствах Суд считает, что предмет рассматриваемой жалобы сводится к сбыту наркотических средств С. со стороны заявителя в ходе проведения проверочной закупки.

144. Хотя Суд допускает использование тайных осведомителей в качестве законного метода проведения расследования в целях борьбы с тяжкими преступлениями, он требует предоставления надлежащих гарантий защиты от злоупотреблений, поскольку общественный интерес не может оправдывать использование доказательств, полученных в результате того, что может быть классифицировано как провокация со стороны сотрудников полиции (см. постановление Европейского Суда от 9 июня 1998 г. по делу *«Тейшейра де Кастро*

против Португалии» (*Teixeira de Castro v. Portugal*), пункты 34–36, Сборник постановлений и решений 1998–IV).

145. В тех случаях, когда основное доказательство получено в результате проведения тайной операции, власти должны быть способны доказать, что у них имеются веские основания для организации тайной операции и ее нацеливания на конкретное лицо. В частности, они должны иметь в своем распоряжении конкретные и объективные доказательства, свидетельствующие о том, что заявителем были предприняты первые шаги к совершению деяний, являющихся преступлением, за которое он был впоследствии привлечен к ответственности (см. решения Европейского Суда по вопросам приемлемости жалоб *«Секуэйра против Португалии»* (*Sequeira v. Portugal*), жалоба № 73557/01, ECHR 2003–VI; *«Компания „Еврофинаком" против Франции»* (*Eurofinacom v. France*), жалоба № 58753/00, ECHR 2004–VII; и *«Шеннон против Соединенного Королевства»* (*Shannon v. the United Kingdom*), жалоба № 67537/01, ECHR 2004–IV; а также постановления Европейского Суда по делам *«Раманаускас против Литвы»* (*Ramanauskas v. Lithuania*) [БП], жалоба № 74420/01, пункты 63 и 64, ECHR 2008; *и «Малининас против Литвы»* (*Malininas v. Lithuania*), жалоба № 10071/04, пункт 36, от 1 июля 2008 г.).

146. В ряде дел против России Суд установил, что применимое государственное законодательство не предусматривает достаточных гарантий защиты при проведении проверочных закупок наркотических средств, и указал, что проведение таких закупок должно санкционироваться и контролироваться судебным или другим независимым органом (см. постановления Европейского Суда по делам *«Ваньян против России»* (*Vanyan v. Russia*), жалоба № 53203/99, пункты 46–49, от 15 декабря 2005 г.; *«Худобин против России»* (*Khudobin v. Russia*), жалоба № 59696/00, пункт 135, ECHR 2006–XII (выдержки); и *«Банникова и против России»* (*Bannikova v. Russia*), жалоба № 18757/06, пункты 48–50, от 4 ноября 2010 г.). Кроме того, Суд подчеркнул роль внутригосударственных судов в рассмотрении тех уголовных дел, в которых обвиняемый утверждает, что его спровоцировали на совершение преступления. Любой небезосновательный довод о провокации налагает на суды обязательство по его рассмотрению и представлению окончательных выводов по вопросу о провокации; при этом бремя доказывания возлагается на сторону обвинения, которая должна доказать, что никакой провокации не было (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу *«Раманаускас против Литвы»,* пункты 70–71).

147. С учетом вышесказанного, Суд не убежден в том, что рассматриваемая ситуация подпадает под категорию «дел о

провокации», даже *prima facie (при отсутствии доказательств противного)*. Следовательно, недостатки российского законодательства и практики его применения, выявленные Судом в нескольких предыдущих делах, в данном случае не имеют никакого значения.

148. Прежде всего, Суд отмечает некоторые различия в версиях событий заявителя, которые выдвигались им на внутригосударственном уровне, а также между этими его версиями и доводами, выдвинутыми в Суде. В суде первой инстанции заявитель утверждал, что 20 августа 2003 г. он согласился дать Т. две таблетки успокоительного. По сути, даже в своих замечаниях, представленных в Суд, заявитель утверждал и то, что сотрудники полиции «предположительно изъяли» у него пакетик героина после задержания, и то, что они «подбросили» ему наркотики. Таким образом, если заявителя следует понимать таким образом, что он оспаривает утверждение по поводу обстоятельств дела, согласно которому 20 августа 2003 г. он имел при себе пакетики героина и передал один из них С., его доводы о провокации на совершение преступления со стороны сотрудников полиции кажутся лишенными всяких оснований.

149. В любом случае, следует отметить, что, как было установлено внутригосударственным судом, заявитель мог продать на месте более 6 граммов героина, т.е. значительное его количество, сразу же после того, как его попросил об этом С. В ходе судебного разбирательства, проведенного внутригосударственным судом, Т. показал, что, как правило, заявитель имел при себе наркотики для продажи. Ничто не указывает на то, что заявитель был подвергнут какому-либо давлению для того, чтобы заставить его совершить преступление. Представляется, что предложение о приобретении у него героина заранее ему не поступало.

150. Суд также отмечает, что проведение проверочной закупки было санкционировано в результате добровольного предоставления информации частным источником, который впоследствии сыграл роль покупателя при проведении проверочной закупки. Этот человек сообщил об осуществлении преступной деятельности лицом, которым (с учетом его имени и национальности) мог быть заявитель. Заявитель не согласился с этим объяснением, утверждая, что С. работал в полиции осведомителем, и что до этого он принимал участие в других проверочных закупках. Этот довод был рассмотрен и отклонен внутригосударственными судами. Суд отмечает, что из представленных документальных доказательств не следует, что С. принимал участие в несвязанных друг с другом проверочных закупках, проводившихся сотрудниками полиции. Таким образом, не был убедительно доказан тот факт, что С. осуществлял долгосрочное сотрудничество со следственными органами.

151. Суд считает, что роль полиции в данном случае не была неправомерной, учитывая ее обязанность по проверке жалоб о совершении преступлений, в том числе тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, которые порой не легко выявить с помощью обычных средств в силу их секретного характера. Суд считает, что в данном случае факт провокации со стороны сотрудников полиции доказан не был.

152. Следовательно, в данной части жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

153. Наконец, заявитель жаловался на нарушение статей 5 и 6 Конвенции в связи с его задержанием, начальным периодом содержания его под стражей и продолжительностью производства по его уголовному делу.

154. Суд рассмотрел данные жалобы в том виде, в котором они были предъявлены заявителем. Однако с учетом всех имеющихся в его распоряжении материалов, а также с учетом компетенции Суда в отношении указанных жалоб, Суд считает, что они не свидетельствуют о нарушении прав и свобод, закрепленных в Конвенции и Протоколах к ней. Следовательно, в данной части жалоба также является явно необоснованной и подлежит отклонению на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

155. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

> «Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

156. Заявитель требовал присудить ему 26 452 евро в качестве компенсации материального ущерба и 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

157. Власти утверждали, что его денежное требование не связано с предполагаемыми нарушениями, и что оба требования являются необоснованными.

158. Суд не усматривает никакой причинно-следственной связи между установленными нарушениями и заявленным материальным ущербом, поэтому он отклоняет данное требование. С другой стороны, Суд отмечает, что им были установлены нарушения статьи 3 Конвенции в связи с чрезмерным применением силы в отношении заявителя и уклонением органов власти от проведения эффективного расследования. В данных обстоятельствах Суд считает, что боль и отчаяние, которые испытал заявитель, нельзя компенсировать одним лишь фактом установления нарушения. Принимая во внимание характер установленных нарушений и производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которые могут быть начислены на указанную сумму.

Б. Расходы и издержки

159. Заявитель также требовал присудить ему 3 566 евро и 4 200 евро в качестве компенсации судебных издержек, понесенных им в ходе судебного разбирательства по его уголовному делу во внутригосударственных судах и в Европейском Суде соответственно, а также 1 476 евро в качестве компенсации почтовых расходов, расходов на услуги по переводу и прочих расходов.

160. Власти оспорили эти требования.

161. В соответствии с прецедентной практикой Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. Принимая во внимание вышеуказанные критерии и имеющиеся в его распоряжении документы, и поскольку к установленным нарушениям статьи 3 Конвенции относится только часть заявленных издержек и расходов, Суд считает разумным присудить заявителю 2 130 евро, плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с заявителя, на покрытие расходов по всем соответствующим статьям.

В. Проценты за просрочку платежа

162. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявляет* жалобу на применение силы в отношении заявителя и неэффективность расследования приемлемой, а остальную часть жалобы — неприемлемой;

2. *постановляет*, что по настоящему делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции с точки зрения ее материального аспекта;

3. *постановляет*, что по настоящему делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции с точки зрения ее процессуального аспекта;

4. *постановляет:*
   (а) что в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции власти государства-ответчика должны выплатить заявителю 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, подлежащие начислению на указанную сумму, в качестве компенсации морального вреда;
   (б) что в течение того же срока власти государства-ответчика должны выплатить заявителю 2 130 (две тысячи сто тридцать) евро в валюте государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, а также все налоги, которые могут быть взысканы с заявителя, в качестве компенсации расходов и издержек;
   (в) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента;

5. *отклоняет* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 30 мая 2013 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Андрэ Вампаш
Заместитель Секретаря

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель